

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В.Н. Шевченко

Цивилизация vs латентное варварство и цивилизационный проект

Vladimir N. Shevchenko

Civilization vs latent barbarism and the civilization project

В статье обсуждается вопрос о противоречиях между цивилизацией и латентным варварством, исследуются границы объяснительных возможностей этого понятия. Рассмотрена неравномерность социально-исторического развития общества, которая порождает в обществе с определенным уровнем цивилизованности ценностно-нормативное разнообразие, а, следовательно, объективные противоречия между различными социальными слоями и группами. Деятельность более отсталых слоев и групп не может быть сведена только к открытому проявлению латентного варварства. Для понимания его реальных объяснительных возможностей в статье используется понятие исторического тупика, выход из которого предполагает разрушение препятствий, созданных на тупиковом отрезке исторического развития конкретного общества. В действующих социальных силах, которые с помощью радикальных мер выводят общество из тупикового состояния, необходимо выделять два связанных между собой образа действий – разрушительный и созидательный, а не ограничиваться общей оценкой действий как проявлением варварства. Уделяется внимание причинам расширительного толкования латентного варварства.

Ключевые слова: цивилизация, латентное варварство, история, неравномерность развития, прогресс, исторический тупик, оппозиция, революция, цивилизационный проект

The issue of contradictions between civilization and latent barbarism, the boundaries of the explanatory possibilities of this concept is discussed in the paper. The author considers the unevenness of the socio-historical development of society, which gives rise to value-normative diversity in a society with a certain level of civilization, and, consequently, objective contradictions between different social strata and groups. The activity of opposition strata and groups cannot be reduced only to the open manifestation of latent barbarism. To understand its real explanatory capabilities, the author uses the concept of a historical impasse, the way out of which presupposes the destruction of obstacles

created at a dead-end period in the historical development of a separate society. It is necessary to single out two interconnected modes of action – destructive and constructive in the acting opposition forces, which with the help of radical measures bring society out of a historical impasse and not be limited to a general assessment of actions as a manifestation of barbarism. Attention is drawn to the reasons for the broad interpretation of latent barbarism.

Keywords: civilization, latent barbarism, history, uneven development, progress, historical deadlock, opposition, revolution, civilization project.

Введение

Остановиться на рассмотрении противостояния цивилизации и латентного варварства в ходе обсуждения цивилизационного проекта для российского общества автора статьи побудил тот большой интерес, который проявляется в литературе к теме латентного варварства, в том числе «нового варварства». С точки зрения главного редактора ежегодника «Цивилизация и варварство» В.П. Будановой, «сложилось устойчивое понимание того, что латентное варварство, как собственный проект цивилизации, ее зазеркалье и “улыбка чеширского кота”, является в настоящее время действительно актуальной практически неизученной исследовательской проблемой. Варварство – это не формально-стадиальный эпизод всемирной истории, но отклонение от нормы, диссонанс, вторжение разрушительного, деструктивного начала. <...> Противостояние между цивилизацией и варварством не исчезает, так как варварство постоянно мимикрирует, продвигаясь в сторону латентности, раскрывая себя только в зоне “ошибок” [1, с. 22]. Н.В. Мотрошилова пишет, что варварство есть «оборотная сторона» [12, с. 91] цивилизации.

Правомерность такого жесткого противопоставления цивилизации и варварства в проективном плане заслуживает самого пристального внимания. Это делает, по сути, оба понятия равномошными, поскольку при каждом упоминании цивилизации за ее спиной, образно говоря, должны угадываться контуры варварства. Расширительная трактовка варварства, причисление огромных масс населения к латентным варварам ведет буквально к тотальной поляризации общества, что не может не вызывать озабоченности.

Говоря о проекте цивилизации, всякий раз следует говорить о субъекте проекта, поскольку без субъекта нет проекта. Если варварство выступает как собственный проект цивилизации, тогда это есть проект антицивилизации, который тоже должен иметь субъекта. Заметим в скобках, в литературе постоянно встречаются бессубъектные цивилизации, которые не связаны ни с каким государственным устройством или обществом, его социальной структурой, но которые сражаются, завоевывают новые территории или их теряют. Во многом аналогично обстоит дело и с варварством. Один из при-

меров. «Варварство использует в качестве своих инструментов самые последние достижения цивилизации» [2, с. 93]. Эта бессубъектность связана с тем, что многие авторы не ставят прямо вопрос о том, кто же на самом деле является в них субъектом.

При отмеченном выше жестком противопоставлении общество делится на цивилизованных людей и варваров. Правда теперь это латентные скрытые варвары как субъекты антицивилизации. Кто они? Они мечтают о том, как навредить не просто отдельным людям, а самой цивилизации. Средства или инструментарий варварства огромный: клевета, оскорбление, сплетни, интрига, месть, провокации. Есть много людей, имеющих варварский менталитет, но они боятся и могут всю жизнь так и не проявить его. Есть еще и другой сорт людей, еще более опасный. Они совершают варварские поступки, но не осознают этого и не считают себя варварами. Конечно, и те и другие представляют большую угрозу для общества. Тогда цивилизации, может, следует научиться принимать превентивные меры. А есть еще и самые крайние меры. Вспоминается Петр I, проявлявший интерес к пыткам людей на дыбе.

Рассуждения В.П. Будановой о диалектике латентности варварства, о методах сокрытия варварской сути тех или иных действий, явлений, персон (тайна, ложь, провокация) представляют интерес. Верно отмечается, что «в каждом конкретном случае необходимо решать вопрос – служит ли утаивание, ложь, провокация и т. д. именно для сокрытия злонамеренных варварских действий или нет» [1, с. 19]. Н.В. Мотрошилова придерживается сходной позиции. Она признает, что «есть немало частных противоречий, которые не напрямую связаны с болезнями варварства, а скорее являются болезнями «роста», трудностями совершенствования цивилизации» [12, с. 144]. Но эти отступления от идеи варварства как оборотной стороны цивилизации, как антицивилизационного проекта, на мой взгляд, не являются у авторов концептуальными. Можно только добавить здесь, что поставленный вопрос о границах объяснительных возможностей латентного варварства действительно является очень непростым.

Но прежде чем дальше говорить об этом, необходимо дать сопоставительный анализ понятий цивилизации и варварства.

Теоретик археологии В.Г. Чайлд, один из ведущих археологов XX в., назвал 10 критериев, отличающих цивилизацию от варварства, которые являются в общем признанными в науке, несмотря на различные подходы к пониманию отдельных из них. Среди этих критериев – появление города, социально-классовое расслоение, государство с высоким уровнем концентрации власти, общественное разделение труда, высокий уровень развития экономики, позволяющий вести оживленную внешнюю торговлю, письменность, монументальные общественные постройки, изобразительное искус-

ство [18]. Однако эти критерии, которые в принципе были известны и ранее, нужно еще как сложный пазл собрать в целостную картину, поэтому понимание сущности цивилизации, критериев цивилизованности общества продолжает быть на протяжении многих веков предметом острых дискуссий.

Цивилизация есть определенная стадия в развитии человеческого общества, когда начинают создаваться культурные ценности, а люди приучаются жить в соответствии с принятыми социальными нормами. Как подчеркивает В.Ж. Келле, «цивилизация не просто культурное, а социокультурное образование. Соединение в органическое единство социального и культурного начал является характерной особенностью цивилизации» [7, с. 364]. Это единство образуется в процессе совместной деятельности индивидов. Одним словом, с цивилизацией связывается достижение определенного уровня социальности – социальных отношений и связей, высвобождение социальности от пут естественных связей. Люди начинают действовать в соответствии с нормами и ценностями, позволяющими управлять социальным миром, который они создают и совершенствуют. Н.И. Лапин, говоря о значимости разработанного им антропосоциокультурного (АСК) подхода, подчеркивает, что этот подход ориентирует исследователя на выявление своеобразия цивилизаций. «Ключ к пониманию сложности АСК-объектов (в данном случае цивилизаций. – В.Ш.) я вижу в синтезирующем тезисе П. Сорокина: “личность, общество и культура как неразрывная триада” [9, с. 8]. В итоге Н.И. Лапин приходит к выводу о том, что «цивилизация – это самоорганизующаяся совокупность отношений идентификации, результируемой в идентичности множества людей с исторически своеобразной культурой, центрированной на человека и его созидательной деятельности» [9, с. 13]. Необходимо, впрочем, сказать, что сегодня существует большой ряд концептуальных определений цивилизации, но вместе с тем определились, как видно из приведенных точек зрения, главные магистральные подходы к дальнейшему ее изучению в отечественной науке.

Цивилизация есть и процесс ее развития, и достигаемый результат. Если цивилизация есть процесс, тогда необходим критерий цивилизованности, с тем чтобы можно было определять достигнутую обществом и людьми, составляющими его, степень цивилизованности. Если отрицать развитие общества, то провести различие между цивилизацией и обществом становится крайне затруднительным. Так или иначе, здесь в этом вопросе должно быть принято во внимание стадийное развитие общества по пути прогресса. Но если это так, то каким может быть варвар в качестве исторического субъекта, т. е. связанное именно с его деятельностью внутрицивилизационное варварство. Получается, что с необходимостью он должен быть латентным варваром, и он будет проявлять, обнаруживать себя только, как пишет Буданова, при наличии сбоев у цивилизации, в зоне

«ошибок». Другими словами, при наличии кризисных явлений в процессе развития. Это, естественно, правильное решение для сторонников латентного варварства, но это решение не отменяет расширительного толкования латентного варварства и, соответственно, его проявлений как открытого или нового варварства. Теоретический анализ внутри-цивилизационного варварства предполагает, что речь идет о взаимосвязи цивилизации и варварства в отдельно взятом обществе, в обществе как таковом. Варварство, рождающееся в ходе сопоставительного анализа двух или нескольких цивилизаций, имеет несколько другую природу, о чем целесообразно поговорить уже после рассмотрения природы самого варварства. Еще одна, третья ситуация с варварством – это уже сознательное продуцирование варварства современными обществами, точнее, правящими в них элитами, для достижения своих по сути таких же варварских целей, как и используемые ими средства, к примеру, создание террористических группировок вплоть до создания террористических государств [16]. При анализе варварства важно проводить различие между этими относительно самостоятельными его видами.

Здесь следует сделать одно важное замечание. Вряд ли возможно изменить сложившуюся языковую ситуацию, когда понятию цивилизация противопоставляют понятие варварства. Вообще говоря, варварство, коварство, мужество – это обозначение какого-то качества, присущего человеку, социальной группе и т. д. Варварство как качество не может быть субъектом в отличие от цивилизации, для которой вполне органичным является ее соединение с субъектом исторического действия. Ведь суффикс -ция образует, как правило, имена существительные со значением процессуальности или результата действия. Тогда по логике вещей варварству должна противостоять цивилизованность, а цивилизации – варваризация. Суффикс -ость характеризует признак или состояние, качество. Варвару противопоставит цивилизованный (образованный) человек.

В классическом варварстве, которое пришло на смену дикости, главными чертами варварского общества считались систематический характер военных набегов для получения добычи и презрение к повседневному труду, к работе. Впоследствии в новое время варварство, понимаемое как жестокость, грубое насилие, предательство, презрение к людям, отказ от прошлого, может становиться характеристикой поведения социальных групп или отдельных лиц, хотя еще в XIX в. на Западе издавались работы, в которых идеализировался образ варвара. В современном повседневном языке «варвар» – это злой, жестокий, необразованный человек. Но вовсе не обязательно жестокий и необразованный человек является варваром. Использование слова «варвар» для характеристики человека за тот или иной поступок или свойство характера может вести к очень значительным издержкам в обще-

нии. Впрочем, сегодня также весьма распространенным становится еще более широкое понимание варварства как отступления от норм более высокого порядка к нормам более низкого порядка. Но осталась неизменным и четко обозначенным то проявление варварства, которое прошло через века и которое сохраняется в своей неизменной сущности, – это существование воровского, бандитского мира, тех, кто не признает государственных правовых порядков и живет незаконным присвоением чужой собственности.

Тематика варварства и варваров вновь стала особенно актуальной в XX в., причем интерес растет как к варварству, так и к цивилизации.

Введение в научный оборот понятия латентного варварства стало не только закономерным результатом расширения исследовательской проблематики по варварству. Оно порождено целым рядом причин социально-политического характера. После того как социальные и гуманитарные науки отказались от стадийно-формационного подхода, на первый план стремительно выдвинулся цивилизационный подход, и он стал претендовать на то, чтобы дать исчерпывающее объяснение истории любого общества от древности до наших дней. Социально-классовая проблематика перестала по-настоящему интересовать сторонников расширенного понимания цивилизационного подхода. Такая задача, которая не всегда явно формулируется, стала активно реализовываться в научных исследованиях, привела к неоправданному распространению «варварского подхода» далеко за пределы его реальных объяснительных возможностей. Получила массовое распространение такая широкая характеристика варварства, когда к нему причисляют нередко без всяких оговорок лень, невежество, праздность, скуку, сплетни и даже списывание на уроках в школе. Можно вполне обоснованно говорить о том, что современная проблематика нигилизма в значительной мере вобрала в себя те виды поведения людей в обществе, их умонастроения, которые отдельные историки относят к современному, новому варварству, в том числе и к латентному [11]. Изучение нигилизма в обществе дает более объемную и многомерную картину идей, взглядов, поведения людей, отрицающих или ставящих под сомнение общепринятые жизненные принципы, нормы и ценности, чем интерпретация деструктивных процессов в обществе с варварских позиций. Границы объяснительных возможностей так называемого латентного варварства и, следовательно, его реального воздействия на цивилизационные процессы, происходящие в обществе, с нашей точки зрения, могут быть достаточно полно раскрыты с позиций прогрессивного и, следовательно, стадийного развития конкретного общества.

Циклический характер развития общества как методология анализа латентного варварства

Теория цивилизации раскрывает способ существования социокультурной общности, в котором важнейшая роль принадлежит ценностям, нормам, традициям. Но дело ведь не только в том, что теория указывает на те принципы поведения человека, которые делают его цивилизованным человеком. Общество на каждой из своих стадий развивается неравномерно, и оно движется вперед противоречиями, выросшими на собственной основе. Важная задача теории цивилизации заключается в том, чтобы отразить в нормативности эту неравномерность развития общества. Нельзя принимать за нормы для всего общества нормы только самой развитой, продвинутой части общества. Другими словами, в цивилизованном обществе реально имеет место некоторое нормативное разнообразие. И в этом случае критерий достигнутой цивилизованности общества следует искать в особенностях цивилизационного проекта будущего, в достигнутой степени реализации этого проекта, разумеется, при наличии такого проекта.

Культуролог И.Г. Яковенко полагает, «что предшествовавший латентному варвару внутренний варвар или человек традиционно-архаической культуры мог веками сожительствовать с цивилизацией, медленно эволюционируя в ее теле» [21, с. 111]. Он пишет о том, как трудно входит в средневековую жизнь общинник прежнего варварского общества, и это объяснение хорошо раскрывает многовековой переходный процесс, связанный с синтезом обломков римского общества и переходящих к оседлой жизни варварских племен на территориях бывшей римской империи. Но если брать сложившееся феодальное общество, то крестьянский труд выступает социально-экономической основой традиционного (феодального) общества, и потому крестьянин-общинник является неотъемлемой частью средневекового общества. Оно не делает этого крестьянина с неизбежностью внутренним варваром и не противопоставляет его всему остальному обществу.

Если общество носит сословный характер, то одни цивилизационные нормы в феодальном обществе характеризуют поведение служителей церкви, другие – представителей королевской власти и воинства, третьи – крестьянства. Сословное устройство общества, возникшее с естественно-исторической необходимостью, оправдывается и обосновывается морально, идеологически, властно и религиозно.

Во-вторых, трудности и противоречия развития любого конкретного общества носят объективный характер и не конструируются преднамеренно. Противоречия между папой-католиком и королевской властью, королем и крупными феодалами и многие другие пронизывают всю историю европейского средневековья. И потому нормы и модели поведения крестьянства как самой отсталой части общества с точки зрения закономерностей его

собственной эволюции не могут так просто быть записаны как варварские. В средневековой цивилизации каждая сословная или иная социальная группа имеет набор своих нормативных предписаний.

Если говорить здесь в более широком, методологическом плане, то необходимо принимать во внимание циклический характер развития общества. Когда общество в процессе циклического развития идет к верхней точке своего развития в рамках данного цикла, это говорит о том, что государство, государственные институты власти в целом успешно справляется с общественными противоречиями, при этом разрешение противоречий носит, разумеется, относительный характер в рамках этой, восходящей стадии развития. Социальные бунты и восстания, как правило, не сводятся только к разрушительным действиям в отношении порядков «сильных мира сего», они могут преследовать и устремленные вперед, в будущее, но очень часто нереализуемые утопические цели. Но все это не отменяет общей прогрессивной направленности развития общества. Когда верхняя точка пройдена и начинают нарастать явления застоя или латентного кризиса, то скрытое (латентное) недовольство постепенно превращается в открытое недовольство, в постоянную оппозицию, для появления которой в самой жизни есть вполне объективные причины. В обществе происходят сначала смутно осознаваемые процессы девальвации ценностей, они пока еще принимаются людьми, но глубокой внутренней убежденности в их действительной значимости у людей становится все меньше и меньше. Так что же здесь можно назвать открытым варварством, как проявлением латентного варварства, каковы его особенности, возможности и границы?

В обществе появляются социальные силы, которые начинают проповедовать новые ценности и моральные нормы. Они хотят смены строя, с тем чтобы вывести общество к новым горизонтам развития. В обществе начинается сознательное, или не вполне осознанное, нарушение или игнорирование общепринятых цивилизованных норм. Осознание того, что данное общество исчерпало свои возможности развития, что наступил или наступает цивилизационный кризис, возникает при сопоставлении и особенно при столкновении с другими, более продвинутыми обществами. Прогрессивные идеи могут опираться на свои исторические традиции, но в своей основе берутся из общественной мысли более развитых обществ, что позволяет оппозиционным силам, апеллируя к их опыту, объявить свое менее развитое общество неподвижным, отставшим и даже варварским. И одновременно с этими действиями у оппозиционных сил возникает стремление к теоретическим заимствованиям извне конкретных черт и целых моделей более развитого общественного строя.

К примеру, отечественный историк С.М. Соловьев высоко оценивает реформаторскую деятельность Петра I. «Но если сильны были черты вар-

варства в древнем русском обществе, – пишет он, – то общество не было варварским. <...> Если же болезни в обществе накапливаются, но вместе с тем является сознание болезней и чувствуются силы для борьбы с ними, то происходит переворот, общество сотрясается, и это сотрясение вызывает новые силы, необходимые для уничтожения накопившихся недугов и продолжения исторической жизни. <...> Болезнь русского общества заключалась в варварском начале косности, в стремлении как можно меньше делать и жить на чужой счет: отсюда главный деятель переворота, Петр, явился олицетворением противоположного начала, начала труда, явился вечным работником на троне» [15, с. 623]. Историк приводит доводы в пользу своей точки зрения. Это, прежде всего, косность, иначе говоря, консерватизм общества, неспособность или неумение воспринимать, создавать и поддерживать изменения. В стране, пишет он, нет книг о промыслах, как у других народов. Народ ленив, непромышлен, сам себе не хочет добра сделать, если не будет силою принужден. М.С. Соловьев апеллирует к другой цивилизации, когда он пишет о том, что Петр знал, «что богатство и сила государственные зиждутся на труде промышленном и торговом» [15, с. 625]. Так что здесь главную роль в его оценках играет сравнительный анализ. Страна могла бы по заведенным порядкам жить еще долгое время, но рядом другие страны, они уходят вперед в своем развитии. Поэтому возникают новые политические силы, способные, как им кажется, принять исторический вызов, который Запад бросает России. Петр I стремится решительно переосмыслить достижения допетровской Руси. Деяния Петра являются предметом трехвековой дискуссий о той роли, которую сыграл Петр I в истории российского общества [6]. От творца новой молодой России до религиозного отступника – таков диапазон оценок деятельности Петра в отечественной литературе последних трех столетий, о чем убедительно свидетельствуют конкретные материалы, собранные в книге «Реформатор. Русские о Петре I».

Апелляция к чужому опыту – вещь а довольно неоднозначная, но она позволяет усиливать действительные или мнимые недостатки отживающего строя. Сами по себе косность, лень, консерватизм не есть варварские черты. Не таким уж ленивым и косным, наверное, было русское общество при царе Алексее Михайловиче, отце Петра I. Алексей Михайлович, оказавшись на пересечении старорусского образа мысли и западного, пытался их примирить между собой. Проявил себя умным и образованным человеком для своего времени. В стране имели место реформа армии, денежная и церковная реформы, было издано Соборное уложение. Состоялось воссоединение Украины с Россией, достигнуты значимые успехи в войне с Польшей. Но несмотря на это многим чертам общественной жизни намеренно приписывается варварский смысл от имени теорий и идей чужого, более развитого общества, которые берутся на вооружение оппозиционными силами. Получается, что

возникшие политические силы, стремящиеся к обновлению социального строя, наделяют отживающий строй, его сегменты или слои общества самыми непривлекательными чертами. Но были ли они таковыми на самом деле? В чем заключается здесь разумная сторона применения идеи латентного (скрытого) варварства? Историческое оправдание взглядов и действий оппозиционных сил заключается, прежде всего, в том, что многое в существующей системе может быть названо проявлением варварства, поскольку система действительно исчерпала свой позитивный потенциал развития.

Исторический тупик как ключ к пониманию объяснительных возможностей и границ латентного варварства

Исторический тупик – одно из важнейших понятий философии истории, это явление постоянно присутствует в истории [19]. В последние два десятилетия периодика, публицистика, научная литература полны рассуждений о сегодняшнем историческом тупике, в котором находится Россия. Результаты поиска по тематике тупика поражают воображение невероятным количеством, прежде всего, публицистики и разнообразием содержания, анализ которого мог бы стать темой самостоятельного исследования.

Публицисты и писатели, культурологи и политологи, экономисты и социологи (Ю. Афанасьев, Р. Гринберг, М. Кантор, И. Клямкин, Э. Паин, И. Яковенко и многие др.), говоря о современной ситуации в России, называют ее по-разному – безвременье, закат, застой, распутье. И все они, в конечном счете, являются признаками исторического тупика [4]. К примеру, видный экономист Р. Гринберг говорит о той главной причине, по которой Россия попала в исторический тупик. Причина – неверная философия самой экономической политики. Последнюю четверть века у нас была установка на саморегулирование экономики, на частный бизнес. Она и привела нас в тупик, в котором мы находимся [3]. Можно привести еще много выражений на этот счет, но трудности ответа на поставленный вопрос состоят в том, что пониманию сегодня исторического тупика не хватает теоретической ясности.

В этой связи хотелось бы напомнить известные слова Ф. Энгельса, писавшего о роли варваров в судьбе Римской империи: «То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. <...> Что же это было за таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу? <...> Германцы были, особенно тогда, высокоодаренной ветвью арийской группы и притом находившейся в полном расцвете жизненных сил. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй» [20, с. 149]. Иными словами, менее развитый, но

полный жизненных сил родовой строй варваров, разрушая старые отжившие порядки, омолаживает Европу, открывает новые горизонты для ее развития.

Состояния застоя, неуверенности, отсутствие понимания сложившегося положения в стране и в мире еще не является сложившимся тупиком. Но чем дальше сохраняется ситуация «невыбора», точнее говоря, не пересмотра ранее сделанного выбора, чем сильнее власть стремится отодвинуть общество от назревшего обсуждения альтернативных путей дальнейшего развития, тем реальнее становится достижение точки «невозврата», когда любые реформы – левые или правые – только ухудшают ситуацию и когда революционное обрушение общественного устройства становится исторической неизбежностью.

Те общественные силы, которые выводят общество из тупикового или застойного состояния, оказываются не просто носителями и выразителями нового общественного строя, к установлению которого они стремятся. В действиях этих сил в обществе всегда присутствует две тенденции – разрушительная и созидательная, что нужно изменить, сломать и что нужно сделать, построить после радикальной смены власти.

Разрушительная направленность сил оппозиции вполне может быть причислена к открытому варварству, т. е. к явному проявлению «латентного варварства». У каждой революции или радикальной, большой реформы оказывается есть и светлая сторона, и оборотная, темная сторона, темный лик. В научной литературе постоянно присутствуют работы как по позитивному, так и по негативному отношению к революционным преобразованиям, например, к Русской революции 1917 г., но редко можно встретить удачное, сбалансированное сочетание или сопряжение этих двух отношений. Оценки общественных сил, проводящих глубокие реформы, как правило, отличаются мировоззренческой предзаданностью как в политике, так и в науке. Накануне радикальных преобразований в литературе, особенно в общественном сознании, постоянно преувеличивается, к примеру, степень разложения Российской империи или застойность и разложение советского общества. Но потом по прошествии времени оказывается, что силы разрушения наложили дров гораздо больше, чем это было необходимо. Но без этого преувеличения, наверное, не смог бы быть достигнут высокий накал революционного отрицания устаревших порядков. Многие из того, что было объявлено варварством, таковым не являлось. Многие оказывались устаревшим, не очень подвижным, но все ли из устаревшего и не очень подвижного также можно назвать варварским? Во всем этом приходится долго разбираться философам и ученым, а развитие общества стремительно уходит вперед, и восстанавливая часть разрушенного, и создавая новое.

Конечно, революционную, разрушительную и в этом смысле варварскую стихию новой государственной власти приходится вводить в опреде-

ленные границы и поворачивать ее от разрушительной к созидательной работе. Но это можно сделать в основном насильственным путем, что не исключает и проявлений жестокости. Поэты первых лет Октябрьской революции восторженно писали о том, что освобожденные революцией народные варварские силы вложили огромную энергию в молодое советское общество. В стихотворении «Скифы» (январь, 1918) А. Блока имеются хорошо известные строки: «В последний раз – опомнись, старый мир! // На братский пир труда и мира // В последний раз на светлый братский пир // Сзывает варварская лира!»

Можно сказать, что новые социальные силы несут в себе варварское начало, которое связывается с разрушением отживших сторон прошлого. Если брать отечественные источники, то появление идеи «варварской борьбы против варварства» связано с А.И. Герценом («Петр внедрял Европу как варвар»)¹. Однако широкую известность она получила после того, как В.И. Ленин упомянул об этом в мае 1918 г.: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача – учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорил перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [10, с. 301]. Эти слова «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» сегодня превратились в своего рода мантру, которая нередко звучит как обличение, как неизбежное и однозначно обозначенное зло, обладающее непреодолимой силой. На самом деле, эта фраза не такая однозначно негативная, как это нередко трактуется в современной политологической литературе. В этой фразе говорится о том, что сложилась драматическая, а скорее трагическая ситуация, неизбежно ведущая к революционной смене власти. Историческая трагедия огромных масштабов – вот реальная оборотная сторона исторического тупика. Варварские средства борьбы – явление в принципе сугубо вынужденное, имеющее целью после смены власти внести народную стихию, нередко как потоп сметающую все на своем пути, в созидательное русло.

Здесь следует иметь в виду не только крестьянство, но и мещанство, миллионы людей общества потребления. Их сложно, а иногда и безнадежно просить добровольно соблюдать новые цивилизационные нормы поведения в силу изменившихся социальных условий (объявление военного положения или строгости противоэпидемического карантина). Так называемые варвар-

---

¹ А.А. Кара-Мурза дал подробный анализ русского феномена «варварской борьбы против варварства», который начинается с подробного разбора реформ Петра Первого, в кн.: Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Институт философии РАН, 1995.

ские методы отнюдь не направлены на слом высших норм во имя более простых, что сегодня обычно считается варварством. Это принуждение, насилие во имя усвоения новейших достижений (у Ленина это государственный капитализм), скорейшего формирования новых жизненно важных социальных порядков и новых более высоких норм цивилизованного поведения. Это «варварство наоборот», конечно, остается насилием, революционным насилием, и хотя верно говорят, что оно не должно быть чрезмерным, но что прибавляет к пониманию неизбежной ломки старого общественного строя обозначение революционного насилия во имя будущего как варварства². Применительно к русской революции 1917 г., к Великой Французской революции, да и к любой другой. В революционной Франции всю работала гильотина, применение которой, одобренное Конвентом, получает рациональное обоснование, как эффективное средство социальной гигиены. Гильотина, заменив палача, стала первым демократическим способом казни и получила широкое распространение на всей территории Франции и цивилизованной Европы. Последний раз гильотина была использована во Франции в 1977 г. Так гильотина – это варварство? Конечно, есть большая проблема в том, становятся ли социальные революции уходящей натурой. Если да, тогда нужно сначала ответить на один простой вопрос, как возможно избежать любому государству в будущем исторического тупика, ведь конкретная история носит открытый характер.

Той определенности, когда нужно назвать конкретные социальные силы, действующие в истории под именем варварства, как раз не хватает активным сторонникам расширительного толкования латентного варварства. К примеру, говорится о том, что варварство делается неким субъектом исторического процесса. Но варварство, мы уже выше сказали, не может быть субъектом. А что мешает показать всю противоречивость конкретных социальных сил, оказавшихся способными или неспособными вывести общество из исторического тупика? Ведь при этом выход из исторического тупика есть возвращение назад к той точке на исторической дороге, которая позволяет пойти другим путем. Но возвращение назад по исторической дороге – это не просто метафора. Это уничтожение ранее созданного: экономических, социальных, политических институтов, которые оказываются непреодолимым препятствием на пути дальнейшего движения вперед. Помещичья усадьба может быть превращена в музей или разграблена. Но она в тех конкретных условиях должна была прекратить свое

---

² Как утверждается в рецензии на недавнюю постановку пьесы М. Горького «Варвары» в Малом театре, «почти все герои поддаются разврату просвещенных гостей потому, что в них самих ярко видны следы разложения. Традиционное варварство на Руси-матушке столкнулось с новым – прогрессивным». Одним словом, кругом варвары и варварство – и позади, и впереди. Рецензия называется «А варвар кто? В Малом театре поставили Горького» [17].

существование в качестве опоры существующего строя. И вот все эти тонкости и оттенки исторической ситуации оказываются проявлением латентного варварства и только.

Свою лепту в рост варварских действий в ходе радикального переустройства общества вносит и воровской мир. Ослабление цивилизационных начал, их игнорирование выносит на поверхность в условиях мощного революционного подъема людей нестойких, желающих поживиться чужим добром или сделать в смутное время политическую карьеру. Но об этом следует говорить отдельно.

Категория исторического тупика и, соответственно, исторической трагедии позволяет понять глубину и динамику отношений между варварством и цивилизацией. С их помощью, как нам представляется, можно раскрыть смысл утверждений о позитивной роли варварского поведения, варварства при переходе с одной стадии исторического развития на другую, более высокую стадию. Некоторые авторы полагают, что «варварская борьба против варварства» есть сугубо русский феномен. На самом деле, он имеет место практически в любом государстве во времена больших радикальных перемен. Важно только иметь в виду ограниченные объяснительные возможности перехода латентного варварства в открытое, которые не способны охватить и объяснить все разнообразие и все сложности социально-исторического развития.

Заключение

О варварстве в современном мире, его причинах и возрастающих масштабах пишут не только в научной литературе, но и в СМИ, социальных сетях, обсуждают на многих политических площадках. Мы ограничились лишь некоторыми замечаниями методологического характера по поводу тех последствий для цивилизационного проекта России, если согласиться с суждением: «варварство как собственный проект цивилизации», которое приведено в начале статьи. Из этого суждения прямо вытекает, что чем больше страна, государство продвигается по цивилизационному пути, т. е. становится все более цивилизованной страной, тем больше возрастают масштабы латентного варварства, которые немедленно обнаруживают себя в стране в случае неудач и ошибок поступательного движения. Однозначно так сказать нельзя.

Специфика сложноорганизованных систем, таких как современное общество, состоит в том, что исторически эволюционировать оно может только в одном направлении – в сторону постоянного роста их сложности. Мобилизационный этап развития, который присущ российскому обществу наряду с его антитезой – стабилизационным этапом в рамках одного цикла,

есть движение высокой степени интенсивности к более совершенному обществу. Такая особенность движения вперед избавляет общество от ненужного балласта старого. Оно отмирает и уходит достаточно быстро в прошлое. А несовершенства в сопоставлении со стремительными переменами в обществе оцениваются в плане их скорого и неизбежного преодоления.

Остановка в развитии общества, стабилизация, застой неизбежно выдвигают на первое место в общественном сознании все несовершенства общества, которые становятся предметом критики. Уместно тут вспомнить афоризм Л. Кэрролла: «Ну, а здесь (в Зазеркалье), знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы остаться на том же месте! Ну, а если хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее» [8, с. 35]. Общество, которое в силу разных причин останавливается в своем развитии, начинает с неизбежностью деградировать, в нем обнаруживается рост энтропии, уменьшение разнообразия. Обратимость как упрощение форм общественной жизни может носить лишь частичный характер. Переход определенной границы ведет к распаду всей организации социальной системы.

Диалектика цивилизации-варварства раскрывает себя в полной мере только при признании принципа историзма, признании идеи прогрессивного развития как единства прошлого, настоящего и будущего. Это единство было односторонне понято в эпоху борьбы универсальных идеологий, но от самой идеи прогрессивного развития как таковой отказываться нельзя. Сегодня, когда идет становление много-цивилизационного мира, можно с уверенностью говорить о том, что все не-западные большие государства-цивилизации все более прочно становятся на путь динамичного развития, несмотря на все сложности кризисного состояния современной мировой экономики. Динамизм развития приводит к формированию правильного отношения граждан к несовершенствам общества, которые нельзя автоматически делать питательной средой латентного варварства, постоянно грозящего стать открытым варварством.

История – это деятельность человека, преследующего свои цели. И вместе с тем, исторически обозримая и в этом смысле «конечная» цель истории – это сам человек. Историческое возвышение человека находит свое отражение в цивилизационном проекте. Проект носит по своей глубинной сути антропологический характер. Культура каждой цивилизации формируется в рамках своего основного культурного кода в течение многих столетий, а иногда и тысячелетий свое представление о предназначении человека в этом мире. Не будем забывать, что цивилизация в известном смысле – это норма, которую нужно поддерживать, по крайней мере, и более того – изменять на основе новейших достижений культуры в сторону все большего ее совершенствования. В этом заключается бремя цивилизованного человека. Сохранение и совершенствование цивилизации есть большое бремя

и ответственность. В начале XX в. получило широкую известность вызвавшее скандал стихотворение Р. Киплинга «Бремя белого человека», как оправдание захвата европейскими колонизаторами территорий Африки и Азии гуманистическими соображениями. Но важно заметить и то, что бремя белого человека поэт связывал с обучением местных, туземных народов элементарным нормам цивилизованного поведения.

Особо следует сказать о цивилизационном проекте России. Россия представляет, по сути, модель современного многоконфессионального и многоэтничного мирового сообщества. Всечеловеческий характер культуры России складывается из многих десятков культур отдельных этносов, живущих на территории страны. Самое губительное для России, как отмечает А.В. Смирнов – это «говорить об однозначном выборе в пользу того или иного цивилизационного проекта и той или иной идентичности. <...> Поэтому важно максимально избегать столкновения разных цивилизационных проектов. <...> Их можно только собирать. Они должны быть собраны так, чтобы каждый из них имел свои возможности для развития, но при этом они не мешали друг другу. Это и есть проблема, над которой нужно думать» [14, с. 304]. Отсюда и появляется стратегически важная задача сочетания разных проектов, создаваемых отдельными субъектами, в одном мега-цивилизационном проекте.

Задача такого мега-цивилизационного проекта состоит в том, чтобы задать тот вектор стадияльно-формационного развития страны, когда каждая культура народов России вместе с русской культурой будет развиваться и одновременно поддерживать и обогащать друг друга. Но конечная цель должна оставаться прежней – возвышение, развитие человека, в том числе и русского, как всечеловека, вбирающего опыт других культур в своем стремлении становиться по мере своих сил и способностей все более цивилизованным человеком, все более совершенной личностью. В этой связи заслуживает внимания предложенная Ю.М. Резником «экологическая модель будущей российской цивилизации» [13, с. 76]. Но ее реализация связана с преодолением присущего современной России глубокого социокультурного раскола. По этой причине Россия до сих пор так и не смогла совершить свой цивилизационный выбор и приступить к созданию реалистичного, т. е. вполне выполнимого при определенных условиях, цивилизационного проекта.

Но цивилизационный проект – это проект интенсивного развития. При его реализации борьбу за постоянное обновление общества, его совершенствование, борьбу «отличного с хорошим» крайне опасно интерпретировать в виде борьбы цивилизации против варварства. Такая интерпретация развития приводит к искусственно создаваемым конфликтным ситуациям и, более того, к нагнетанию социальной напряженности, а нередко и социальной истерии в обществе. При наличии поступательного (прогрессивного) разви-

тия страны не остается шансов для организованного варварства, если не считать отдельных индивидуальных или групповых эксцессов. Но опасность его возвращения все же остается, как только общество теряет ориентиры прогрессивного развития и ему грозит социальный кризис и кризис цивилизационной идентичности. Сегодня активно обсуждается вопрос о возможности преодоления циклического типа развития, характерного для не-западных больших государств-цивилизаций, и превращения его в устойчивое поступательное развитие. Этот сложный и малоисследованный вопрос требует отдельного рассмотрения. Но главное здесь заключается в том, что они становятся носителями и выразителями нового исторического типа прогресса несмотря на более низкий исходный уровень социально-экономического, в целом общественно-исторического развития, с которого начался их старт, поступательное движение по пути нового типа прогресса, характерного для наступающего много-цивилизационного мира.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Проблемы цивилизационного развития».

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Vladimir N. Shevchenko – Sc.D. in Philosophy, professor, honored scientist of the Russian Federation, chief research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Problems of Civilizational Development”.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

vladshevchenko@mail.ru

Список литературы

1. Буданова В.П. Латентное варварство: фантом или реальность? // *Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства* / В.П. Буданова (Ред.). М.: Аквилон, 2019. Вып. VIII. С. 9–28.
2. Буданова В.П. Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории // *Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства* / В.П. Буданова (Ред.). М.: Аквилон, 2019. Вып. VIII. С. 74–103.
3. Гринберг Р.С. Культура. 14.01.2016. URL: <https://portal-kultura.ru> (Дата обращения: 16.01.2020).
4. Дерлугьян Г.М. Тупик как историческая развилка возможностей // *Эксперт*. М., 2007. № 40. С. 76–82; Кантор М. Стратегия Левиафана. М.: АСТ, 2014. 446 с.; Яковенко И.Г. Исторический тупик как исторический феномен. URL: <https://newconcepts.club/articles/3239.html> (Дата обращения: 20.03.2020).
5. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФРАН, 1995. 221 с.
6. Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново: Изд. фирма «Фора», 1994. 320 с.; Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Рус. Христ. Гуманитар. Ин-та, 2003. 1023 с.

7. Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 356–374.
8. Ээрролл Л. Алиса в Зазеркалье. М.: Лабиринт Пресс, 2019. 137 с.
9. Лапин Н.И. Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 5–16.
10. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 283–314.
11. Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма // Отв. ред. В.Н. Расторгуев. М.: Институт наследия, 2019. 472 с.
12. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФРАН, 2007. 265 с.
13. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. XII. 2020. Россия как цивилизация будущего. М.: Издательство Независимого института гражданского общества. 2020. С. 17–120.
14. Смирнов А.В. Всецеловеческое и общечеловеческое (30 мая 2019 г.) // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. XXI. Вып. 3–4 (№№ 103–104). (Беседа с М.Ю. Резником). С. 290–307.
15. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 765 с.
16. Спиридонова В.И. Дискурс «цивилизация против варварства» как инструмент реализации мировой гегемонии // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма // Отв. ред. В.Н. Расторгуев. М.: Институт Наследия, 2019. С. 48–62.
17. Сутька Д. «А варвар кто? В Малом театре поставили Горького» // Культура. 02.03.2020.
18. Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. М.: Центрполиграф, 2012. 378 с.
19. Шевченко В.Н. Ленин: Исторический тупик Российской империи и будущее России // Ленин online: 14 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине. М.: URSS, 2020. С. 388–414.
20. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 23–178.
21. Яковенко И.Г. Латентное варварство: природа явления, историческая эволюция (российский опыт) // Цивилизация и варварство. 2019. Вып. VIII. С. 104–123.

References

1. Budanova V.P. Latentnoe varvarstvo: fantom ili real'nost'? // Civilizaciya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (Red.). М.: Akvilon, 2019. Вып. VIII. S. 9–28.
2. Budanova V.P. Latentnoe varvarstvo: priroda, formy proyavleniya i mesto v istorii // Civilizaciya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (Red.). М.: Akvilon, 2019. Вып. VIII. S. 74–103.
3. Grinberg R.S. Kul'tura. 14.01.2016. URL: <https://portal-kultura.ru> (Data obrashheniya: 16.01.2020).
4. Derlugyan G.M. Tupik kak istoricheskaya razvilka vozmozhnostej // Ekspert. М., 2007. № 40. S. 76–82; Kantor M. Strategiya Levifana. М.: AST, 2014. 446 s.; Yakovenko I.G. Istoricheskij tupik kak istoricheskij fenomen. URL: <https://newconcepts.club/articles/3239.html> (Data obrashheniya: 20.03.2020).

5. Kara-Murza A.A. «Novoe varvarstvo» kak problema rossijskoj civilizacii. M.: IFRAN, 1995. 221 s.
6. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. Reformator. Russkie o Petre I. Opyt analiticheskoj antologii. Ivanovo: Izd. firma «Fora». 1994. 320 s.; Petr Velikij: pro et contra. Lichnost' i deyaniya Petra I v ocenke russkix my'slitelej i issledovatelej. SPb.: Izdvo Rus. Xrist. Gumanitar. In-ta, 2003. 1023 s.
7. Kelle V.Zh. Civilizacionnyj podxod i problemy formirovaniya teorii istoricheskogo processa // Voprosy social'noj teorii. 2008. Tom II. Vyp. 1(2). S. 356–374.
8. Kerroll L. Alisa v Zazerkal'e. M.: Labirint Press, 2019. 137 s.
9. Lapin N.I. Svoeobrazie kul'tur civilizacij – dostoyanie i resurs kazhdogo cheloveka i vsego chelovechestva // Voprosy filosofii. 2020. № 10. S. 5–16.
10. Lenin V.I. O «levom» rebyachestve i o melkoburzhuaznosti // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 36. S. 283–314.
11. Mir civilizacij i «sovremennoe varvarstvo»: rol' Rossii v preodolenii global'nogo nigilizma // Otv. red. V.N. Rastorguev. M.: Institut naslediya, 2019. 472 s.
12. Motroshilova N.V. Civilizaciya i varvarstvo v sovremennuyu epoxu. M.: IF RAN, 2007. 265 s.
13. Reznik Yu.M. Obrazy civilizacionnogo budushhego Rossii: ot del'nye proekty i vozmozhnosti ix integracii // Voprosy social'noj teorii. Nauchnyj al'manax. T. XII. 2020. Rossiya kak civilizaciya budushhego. M.: Izdatel'stvo Nezavisimogo instituta grazhdanskogo obshchestva, 2020. S. 17–120.
14. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe i obshhechelovecheskoe (30 maya 2019 g.) // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2019. Tom XXI. Vyp. 3–4 (№№ 103–104). (Beseda s M. Yu. Reznikom). S. 290–307.
15. Solov'ev S.M. Chteniya i rasskazy po istorii Rossii. M.: Pravda, 1989. 765 s.
16. Spiridonova V.I. Diskurs «civilizaciya protiv varvarstva» kak instrument realizacii mirovoj gegemonii // Mir civilizacij i «sovremennoe varvarstvo»: rol' Rossii v preodolenii global'nogo nigilizma // Otv. red. V.N. Rastorguev. M.: Institut Naslediya, 2019. S. 48–62.
17. Sutyka D. «A varvar kto? V Malom teatre postavili Gor'kogo» // Kul'tura. 02.03.2020.
18. Chajld G. Raszvet i padenie drevnix civilizacij. M.: Centrpoligraf. 2012. 378 s.
19. Shevchenko V.N. Lenin: Istoricheskij tupik Rossijskoj imperii i budushhee Rossii // Lenin online: 14 professorov o V.I. Ul'yanove-Lenine. M.: URSS. 2020. S. 388–414.
20. Engel's F. Proisxozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., Engel's F. Soch. T. 21. S. 23–178.
21. Yakovenko I.G. Latentnoe varvarstvo: priroda yavleniya, istoricheskaya evolyuciya (rossijskij opyt) // Civilizaciya i varvarstvo. 2019. Vyp. VIII. S. 104–123.